

МИРА ЯКОВЕНКО
Агнесса

*Исповедь жены
сталинского чекиста*

Мира Яковенко
Агнесса. Исповедь жены
сталинского чекиста
Серия «Очевидцы эпохи»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42354684

М. Яковенко. Агнесса. Исповедь жены сталинского чекиста: ООО

«Издательство АСТ»; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-107149-3

Аннотация

Рассказы Агнессы Мироновой, записанные Мирой Яковенко: о юности в гражданскую войну, о трех ее замужествах, о любви к видному сталинскому чекисту Сергею Миронову, о роскошной жизни верхушки НКВД, о кремлевских приемах, госдачах, курортах, об аресте, тюрьмах, этапах, лагерях.

Содержание

На качелях судьбы	5
От автора	47
Часть I. И рай, и ад – всё рядом	50
Мой дедушка	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Мира Яковенко

Агнесса. Исповедь жены

сталинского чекиста

© Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал», текст

© И. Щербакова, предисловие

© А. Бондаренко, оформление, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

На качелях судьбы

Трудно определить жанр этой книги. Это и не мемуары в чистом виде, и не литературная запись, и не роман. Тут всего понемногу. И дело, конечно, не в чистоте жанра – важно, что читатель имеет возможность познакомиться с замечательным текстом, который возник в результате встречи двух ярких женщин. Эта книга – их общее творение. Агнесса Миронова, рассказывающая на ее страницах свою жизнь, – удивительная героиня. И для автора редкая удача найти такой персонаж. Но и Агнессе повезло, что она встретила Миру Яковенко, – благодаря ее литературному дару эта история не только дошла до нас, но и получилась живой и интересной.

Мира Яковенко (1917–2005) – физик по образованию, не была профессиональным литератором, но, несомненно, обладала писательскими способностями. И больше всего ее интересовали судьбы людей, переживших ГУЛАГ.

Она начала записывать истории тех, кто освободился из сталинских лагерей, уже во второй половине 1950-х годов. В то время она часами просиживала в очередях в Прокуратуре СССР, в Верховном суде, в Военном трибунале, добиваясь реабилитации своих репрессированных родственников (она из семьи украинских интеллигентов-просветителей) и слушала исповеди бывших заключенных, сидевших рядом с ней у дверей служебных кабинетов. Тогда казалось, что узнать

правду о сталинских тюрьмах и лагерях можно только от очевидцев (впервые заговоривших после долгих лет молчания), что секретные архивы, если в них что-то и сохранилось, не будут открыты никогда. Но было очевидно, что лишь немногие сумеют описать пережитое и вообще отважатся за это взяться. Поэтому Мира Яковенко считала, что надо успеть записать то, что свидетели смогут и захотят рассказать.

Конечно, никакого магнитофона у нее тогда не было. Но она порой даже не могла делать записи от руки в присутствии рассказчика, справедливо опасаясь, что это повлияет на степень его откровенности. Чаще всего она записывала то, что слышала, уже дома, по памяти. Позже она говорила, что ее тексты не столько исторические свидетельства, сколько литературные заметки, и главное, чего ей хотелось добиться, – чтобы получился живой рассказ и живой образ рассказчика. В случае с Агнессой Мироновой это удалось Мире Яковенко лучше всего.

В “Агнесе” нет и пафоса самооправдания, присущего многим мемуарам бывших узников ГУЛАГа, которые были написаны в начале 1960-х годов, главным образом для того, чтобы доказать, что выдвинутые против их авторов на следствии обвинения были ложными, признания добыты под пытками, что они всегда были верными партийцами, боролись с троцкизмом, с “правым уклоном” и т. д.

Агнесса Миронова не боится наговорить лишнего, вспомнить то, что кому-то могло показаться опасным. Возможно,

это объяснялось тем, что в ней не было никакого фанатизма, слепой веры в коммунистическую партию, в Ленина или Сталина, и она не пережила тяжелых разочарований, не пыталась цепляться за революционные идеалы (что характерно для лагерных воспоминаний, написанных в те годы бывшими представителями партийно-номенклатурной среды).

Естественность – еще одна важная черта, украшающая рассказ героини. Она глубоко убеждена, что ниже ее достоинства казаться тем, кем она не была – образованной, живущей высокими интересами. Она притворяется “политически грамотной” только один раз – чтобы обратить на себя внимание заинтересовавшего ее мужчины.

Агнесса достаточно умна, чтобы понимать (и это вполне сочетается с ее непоколебимой женской уверенностью в себе), что у нее нет литературных способностей и она не сможет описать свою жизнь так, как ей кажется, она того заслуживает. Именно поэтому она так восхищается мемуарами Евгении Гинзбург¹:

Вот “Крутой маршрут” Евгении Гинзбург... с этой рукописью не могу расстаться... Пусть что хотят делают, хоть опять сажают. Эта книга обо всех нас, таких, как я, обо мне...

¹ Книга Евгении Гинзбург “Крутой маршрут” (1967–1975) – одна из лучших мемуарных книг о женской судьбе во время сталинского террора.

Но рассказывать Агнесса умеет и делает это живо и органично, и, в общем, искренне. Благодаря этому перед нами не просто пересказ пусть даже интересной биографии, а увлекательный текст, с точно схваченной разговорной интонацией, которая передает то, чего не могут передать архивные документы: быт, характеры, представления, наконец мифы ушедшей эпохи. И всё это на фоне перипетий весьма бурной женской жизни. Вслед за героиней мы попадаем с кремлевского новогоднего приема, на котором присутствует сам Сталин, в пеший этап заключенных, замерзающих зимой в казахстанской степи; из бывшего генерал-губернаторского особняка в Новосибирске в московскую коммуналку; из салон-вагона начальника НКВД Западной Сибири в камеру Лубянской тюрьмы. Но эти “качели” советской женской судьбы 1930–1940-х годов сами по себе вовсе не уникальны. Сходная участь была у многих жен “врагов народа”, оказавшихся в сталинских лагерях после ареста и расстрела их мужей во время Большого террора в 1937–1938 годах². Конечно, в “Агнесе” притягивает то, что героиня приоткрывает дверь в “черную комнату” советского прошлого, в мир тех, чьими руками осуществлялся этот террор. Уничтожив десятки и сотни тысяч, многие персонажи ее воспоминаний сами стали потом его жертвами. Эти организаторы репрессий не оставили ни дневниковых записей, ни воспоминаний,

² Как раз из этого слоя репрессированных “жен врагов народа” до нас дошло много воспоминаний.

разве что показания на следствии – перед тем как их приговорили к расстрелу. Но и такая редкая возможность, которую дает эта книга, – познакомиться с бытом верхушки ГПУ – НКВД – не была бы столь захватывающей, если бы не образ самой Агнессы.

Она рассказывает свою историю не для того, чтобы вызвать сочувствие к себе, оказавшейся в ГУЛАГе, с расстрелянным одним мужем, посаженным на долгие годы другим. Ей самой хочется еще раз оживить в памяти те яркие и счастливые дни, когда она была такой победительной, любимой, блестящей. Агнесса ни в коей мере не идеальная героиня, она часто кажется эгоистичной и равнодушной, провинциальной и безвкусной, ищущей свою выгоду. Но она, несомненно, – личность с сильным и независимым характером. Недаром ее образованный и тонкий третий муж, горячо любившей Агнессу, так пишет о ней:

Да, она могла быть укротительницей! Ее большие глаза не были миндалевидной формы, а почти круглыми. Это придавало ее лицу какую-то жесткость, даже хищность. Тонкие сжатые губы содействовали этому впечатлению... Пожалуй, жестокость не покидала ее, когда она стремилась к цели. Но основа ее характера была независимость. Казалось, что эта женщина никогда не может быть возлюбленной и мириться с ролью компаньонки, делящей свою волю с волей другого человека, подчиняющей себя добровольно любимому чело-

веку...

И дочь ее третьего мужа, которой нелегко было принять Агнессу в роли мачехи, отдает ей в этом смысле должное:

Она считала: женщина не должна уступать мужчине ни в чем, все, что ей дано, нужно использовать, не позволяя заглохнуть в себе, надо себя утвердить.

В Агнессе нет ханжества и лицемерия – для этого она слишком горда и уверена в себе, в своей женской привлекательности и власти над мужчинами. В момент резких поворотов судьбы она проявляет решительность, иногда даже авантюризм. Ее жизненная хватка и эгоцентризм заставляют вспомнить такие знаменитые женские литературные персонажи с сильным характером и большой долей эгоизма, как Скарлетт О’Хара из “Унесенных ветром” Маргарет Митчелл. Эти ассоциации возникают уже при чтении первых глав книги, когда в 1920 году молодых белых офицеров, поражающих сердца провинциальных барышень – Агнессы и ее сестры, сжигает, как южан в американской Атланте, пламя гражданской войны.

* * *

Но вернемся к самой истории Агнессы. Ее рассказ, состо-

ящий из четырех частей, можно сказать, четырех “серий” (с прологом и эпилогом) – это готовый киносценарий для мелодрамы, поскольку главное в нем – это романтические увлечения, тайные свидания, замужества. Любовь всегда присутствует в ее жизни: “Я не могу без любви”, – часто повторяет она. Начало или первая часть этой мелодрамы больше всего напоминают романтические эпизоды в соответствующей эпохе стилистике немого кино.

Шестнадцатилетняя гимназистка Агнесса Аргиропуло и ее старшая сестра Лена – хорошенькие провинциальные девушки (наполовину гречанки) из российского южного города Майкопа, мечтающие только о романтических героях и страстной любви. И если бы жизнь шла своим чередом, то после нескольких влюбленностей обе они вышли бы более или менее удачно замуж, и все их “бурные страсти” не стоили бы и выеденного яйца.

Но на дворе 1918 год, в России уже бушует гражданская война, и тихий Майкоп оказывается в эпицентре ее кровавых событий. Это казачьи районы юга, где красный террор сменяется белым, а потом снова красным, вплоть до окончательной победы коммунистов. Убийства и грабежи, виселицы и расстрелы – вот тот фон, на котором разворачивается история юной Агнессы. Но в ее рассказе это лишь обстоятельства, от которых, конечно, никуда не деться, а главное – это описание первых влюбленностей и героев романов. Например, романтического красавца – белого офицера, ка-

зачьего есаула Петровского.

Я в него влюбилась без памяти... Поэтично, самозабвенно, я только и мечтала о встрече с ним! Только и искала предлогов... Вы себе только представьте. Мы гуляем с подругами в парке, с гимназистками, такими же, как я. И вдруг вдалеке вижу – идет он. Появился, приближается, и все знают – идет ко мне, к девчонке, как волшебный принц. Высокий, стройный, интересный, затянутый в белую черкеску. Подходит, здоровается со всеми, но смотрит только на меня. И мы с ним отходим и гуляем по парку, по дорожкам, по аллеям...

На прощание Агнесса потихоньку берет у Петровского на память не прядь волос, а пули из его револьвера – настоящий сувенир кровавой эпохи. Но если Петровский остался в памяти Агнессы благородным романтическим героем, которого “унес ветер” гражданской войны, то по поводу некоторых других белых офицеров, ухаживающих за местными барышнями, у нее нет иллюзий (хотя симпатии ее, конечно, на стороне белых):

Через день белый офицер, дворянин известной фамилии, поклонник Лены, повез ее на своем выезде (прекрасные лошади были у него!) кататься за железную дорогу. Он собирался поразить ее – показать ей виселицы. Вот мужчины всегда так: обязательно им нужно воевать, убивать, уничтожать,

а потом еще гордятся этим.

Она становится свидетельницей и красного террора: зверски убивают добродушного старичка генерала, у которого снимала квартиру семья Агнессы:

Генерала убили, “надели”, как на вертел, на садовую решетку. Некоторое время он висел так.

Пришедшие красные грабят их, “реквизируют” даже сильные вещи. И заканчивается гражданская война для Агнессы последним актом красного террора, который прямо затрагивает их семью. В 1920-м Майкоп окончательно переходит в руки красных, и новые власти сначала обещают белым офицерам, которые добровольно сдадут оружие, что их не тронут, но через некоторое время всех оставшихся в городе всё равно расстреливают.

Остался и муж Лены, он тоже был майкопский и страстно любил Лену, он не мог от нее уехать. Спокойно прожили год. И вдруг приказ: всем бывшим белым офицерам зарегистрироваться и прибыть на станцию Тихорецкую такого-то числа в такое-то время. Лена провожала мужа. До Тихорецкой ехали на лошадях. Прощаясь, он плакал. Затем Лена вернулась домой. Она мне рассказывала: ехала домой и вдруг почувствовала, что она совсем свободна. Свободна! Это была ра-

дось. Он прислал несколько открыток с дороги. Сообщил, что едут в Архангельск. Затем всё затихло. И вдруг вернулся один из увезенных. Он рассказал, что тяжело болел тифом, в бараке лежал, свернувшись на койке, лицом к стене. Его сочли умершим и оставили. А всех других офицеров увезли и расстреляли из пулемета. Так Лена узнала, что она вдова.

Поразительно буднично, отстраненно (почти цинично) звучат слова Агнессы о том, что когда Лениного мужа увезили, та почувствовала облегчение и свободу. А ведь муж Лены гибнет, по словам Агнессы, из-за любви к ее сестре. Тут отчетливо видна утрата нравственных ориентиров, которую порождает это безумное время, даже у таких далеких от политики самых обычных девушек. И у Агнессы, с одной стороны, – приятие того, что мужчины этой эпохи так или иначе участвуют в ее кровавых событиях, – и это “нормально”. С другой стороны, как совместить свою влюбленность в них с этим знанием? Поэтому Агнесса и прибегает к приведенному выше объяснению: *Вот мужчины всегда так: обязательно им нужно воевать, убивать, уничтожать, а потом еще гордятся этим.* Она фактически оправдывает своих романтических героев – с помощью некоего обобщения по поводу вечной мужской природы. На самом деле речь идет именно о тех мужчинах, которые в такие эпохи поднимаются наверх.

Агнесса достаточно хитро и тонко дает понять через историю своей сестры Лены: ее отношение к мужу, смерть кото-

рого она воспринимает так равнодушно, – это отношение к побежденным. Собственно, расставанием с проигравшими и заканчивается первая серия этого “фильма”. Сестрам (главное – Агнессе) хочется быть на стороне победителей. Поэтому и спустя 15 лет после гражданской войны ее счастливая женская жизнь разворачивается на фоне пусть не такого явного, но не менее страшного террора. Ведь самый главный и самый любимый ее мужчина тоже относится к победителям: он становится одним из очень крупных организаторов сталинских репрессий.

Но пока еще на дворе 1921 год, гражданская война закончилась победой большевиков, и наступает эпоха НЭПа, утверждения и становления советской бюрократии на фоне разрешенной частной торговли с одной стороны, и разрухи, безработицы, с другой. Люди в условиях труднейшего советского быта залечивают раны, нанесенные гражданской войной. Эта часть рассказа Агнессы уже не напоминает мелодраму в духе немого кино с красавцами белыми офицерами, а скорее жанровую бытовую историю, знакомую по советской литературе 1920-х – 30-х годов. Агнесса и ее семья из мелкой, но всё-таки буржуазии, они к победителям не принадлежат и продолжают жить по законам и правилам прежней эпохи. Агнесса окончила гимназию и хочет удачно выйти замуж (она вовсе не похожа на “передовых” девушек, партийных и комсомольских активисток, она не стремится учиться, не торопится искать работу и вообще никак не участвует в

новой жизни). И поклонник, который у нее появляется, тоже в духе НЭПа – совершенно неромантический персонаж – некий Абрам Ильич, который вроде бы и ходит в военной форме, но скорее похож на мелкого нэпмана, прокладывающего путь к ее сердцу самым простым способом – с помощью подарков. Но Абрам Ильич для нее не партия, ей хочется чего-то более интересного и перспективного. Тут-то и появляется Иван Зарницкий, за которого Агнесса выходит замуж в 1922 году, в 19 лет. Она снова подробно описывает свои первые свидания – на этот раз с красным командиром, но романтики и красоты здесь поменьше, чем с белыми офицерами, – эпоха не та. Всё бедно и скудно и, по выражению Агнессы, “запаршивлено, как всегда бывало при советской власти”. И хотя на свидания с Зарницким Агнесса ходит, конечно, в шляпке, но краска на ней негодная, под дождь попадать нельзя:

Когда ливень стих, Зарницкий пошел меня провожать. А на мне была красная шляпка, она линяла. Зарницкий был в белой рубаше (в цивильном), он взял меня под руку, а я склонилась к нему, и краска со шляпки стекала на его рубашку. Только утром он заметил, что рубашка его вся в красных разводах.

Эта линяющая бедная шляпка начала 1920-х становится символом неудачного первого брака Агнессы.

Ее первый муж – Зарницкий – как и Агнесса, не из пролетариев, и это их поначалу объединяет. Он старше ее на 9 лет, из семьи священника, но несмотря на свое происхождение, сделал карьеру во время гражданской войны. На стороне красных воевало – особенно штабными офицерами – много так называемых военспецов. В 1921 году у него большая должность – он начальник штаба погранвойск Северного Кавказа. И хотя Зарницкий порывает со своей семьей, идет на службу к большевикам, он и по своему поведению и своим поступкам человек прежних устоев. Он старомодно ухаживает за Агнессой, церемонно делает предложение, соглашается и на венчание, на приданое и свадьбу.

Всё описание поездки Агнессы на свадьбу в Армавир и жизни в реквизированном особняке предстает в пошло-мещанском духе той эпохи, напоминающем по атмосфере рассказы Михаила Зощенко:

Сижу, вся ушла в свои мечты. Представляю, как он меня встретит, как я предстану перед ним в черном элегантном пальто и в черной шляпке, в облегающих руку черных перчатках (подарок Абрама Ильича), надушенная французскими духами (тоже подарок Абрама Ильича). Мама дала мне в приданое и персидский ковер, купленный на деньги Абрама Ильича.

Теперь Агнесса замужем за красным командиром, кото-

рый содержит ее и всю их семью. Она толком нигде не работает, да и не учится, в основном занята нарядами, брак их бездетен. Но Агнесса очень скоро начинает понимать, что Зарницкий – при всей его порядочности – не тот, кто ей нужен, не мужчина ее жизни. Это каким-то естественным образом совпадает с тем (и тут чутье ее снова не подводит), что карьера его рушится, потому что наступает время совсем других людей: наглых, хватких, корыстных, на всё готовых.

Таких, как Михаил Фриновский, в то время подчиненный Зарницкого, а спустя 12 лет всеильный заместитель наркома Ежова, один из главных организаторов массовых репрессий 1937–1938 годов.

Фриновский Михаил – лицо широкое, как блин, глазки маленькие, жесткие – был не промах насчет вещей. Иван Александрович недоумевал, что это за люди – всё берут, всё тащат, совсем не то, что прежние товарищи Ивана Александровича, да и сам он, который спал до моего приезда на рваной простыне... У Ивана Александровича в кабинете стоял прекрасный письменный стол на львиных лапах, из реквизированных, конечно. На столе – ценный хрустальный письменный прибор. Иван Александрович, бывало, и внимания на них не обращает – ну, поставили ему на рабочее место, и пускай. Фриновский пристал к нему – подари мне этот прибор. Иван Александрович отдал с недоумением. Потом и письменный стол перекочевал к Фриновскому.

Конечно, Фриновский забирает не только стол, но и квартиру, которая предназначалась Зарницкому, да и его место. Он и за Агнесой приударить не прочь, но она с самого начала испытывает к нему антипатию.

Зарницкий и сам понимает, что его вытесняют неслучайно, формирующаяся сталинская система требует совсем других людей. Он уходит из ОГПУ, становится обычным советским служащим – и, конечно, в результате теряет блестящую Агнессу. Наградой ему служит лишь редкое в ту эпоху счастливое обстоятельство, что он впоследствии (уже в 1950-е) умирает дома и собственной смертью. (В отличие от Фриновского и его соратника и подчиненного Сергея Миронова, ради которого Зарницкого бросает Агнесса.) И Агнесса сохранила на всю жизнь к нему уважение – за его честность и порядочность.

* * *

На фоне сравнительно благополучной, но унылой и скудной жизни с Зарницким начинается новая “серия” – роман и потом брак Агнессы с главной любовью ее жизни, чекистом Сергеем Мироновым. В истории Агнессы это самые яркие и счастливые страницы. Начинается их роман почти как в советских фильмах 1930-х. Миронова (настоящее его имя Ми-

рон Король)³, в середине 1920-х начальника одного из отделов ОГПУ на Северном Кавказе, направляют проводить политзанятия среди жен красных командиров; приходится посещать их и Агнессе, хотя это ее совершенно не интересует. Она является, как и все остальные, для галочки, чтобы не подвести мужа, но, увидев Миронова, впервые в жизни стремится произвести впечатление политически “подкованной”, чтобы обратить на себя его внимание. Уж очень он ей

³ *Миронов Сергей Наумович* (наст. имя Король Мирон Иосифович (1894–1940) – крупный работник госбезопасности. Член РКП(б) с мая 1925 года. Комиссар государственной безопасности III ранга. Окончил Киевское коммерческое училище (1913), затем учился в Киевском коммерческом институте. Принимал участие в Первой мировой войне. 1915–1918 гг. – служба в русской армии, прапорщик (1916), поручик (февраль 1917). 1918–1920 гг. – служба в РККА. 1920–1921 гг. – уполномоченный, начальник активного отделения Особого отдела 1-й Конной армии (с 1921 – Северо-Кавказского военного округа). 1921–1922 гг. – заместитель председателя Черноморской губернской ЧК, заместитель начальника Особого отдела Чёрного и Азовского морей. 1922 г. – начальник Горского областного отдела ГПУ. 1922–1925 гг. – начальник Восточного отдела полпредства ГПУ (с 1923 – ОГПУ) по Северо-Кавказскому краю. 1925 г. – начальник Чечено-Грозненского областного отдела ОГПУ. 1925–1928 гг. – начальник Владикавказского окружного отдела ОГПУ. 1928–1931 гг. – начальник Кубанского окружного отдела ОГПУ. 1931–1933 гг. – заместитель полномочного представителя ОГПУ по Казахстану и одновременно, в 1931–1932 гг., – начальник Секретно-оперативного управления полпредства ОГПУ по Казахстану. 28 сентября 1933–10 июля 1934 гг. – начальник Днепропетровского областного отдела ОГПУ. 15 июля 1934–28 ноября 1936 гг. – начальник Управления НКВД Днепропетровской области. 28 декабря 1936–15 августа 1937 гг. – начальник Управления НКВД по Западно-Сибирскому краю. 19 августа 1937–3 мая 1938 гг. – Полномочный представитель СССР в Монголии. 1938–1939 гг. – заведующий II Восточным отделом НКВД СССР. Депутат Верховного Совета РСФСР 1-го созыва. Арестован 6 января 1939. Расстрелян по приговору ВКВС СССР.

понравился:

Породистое лицо, высокий лоб, изогнутые брови, чуть прищуренные улыбающиеся глаза необычной формы и эти удивительные ресницы – мохнатые, длиннющие, загнутые. На щеках ямочки. Крупный, красивой формы рот, ровные белые зубы, волосы густыми волнами обрамляют лицо. Широкоплечий, сильный, походка стремительная, крепкая. Он улыбнулся нам, улыбка у него оказалась обаятельная, и, смотрю, все наши дамы так и замерли...

Красавец-чекист в глазах Агнессы – настоящий герой-любовник. В отличие от противного, толстого, с маленькими глазками Фриновского. Но, как и Фриновский, Миронов – типаж новой эпохи (это не старые большевики, продолжающие вести бесконечные споры о марксизме и постоянно вспоминающие дореволюционные годы подпольной борьбы). Такие, как Миронов, как правило, выдвигались в Первую мировую войну: он стал офицером, потом сделался большевистским агитатором, затем ушел в Красную армию, работал в ЧК, участвуя в красном терроре во время гражданской войны. Первая мировая и, главное, Гражданская война извратили у этих людей представления о нравственности, о добре и зле, о ценности человеческой жизни. И внешне столь непохожий на Фриновского Миронов намертво связан с ним, их объединяет карьеризм и беспринципность, он *его*

человек, от него зависит его карьера, и погибает он вслед за Фриновским (Миронова расстреляют на 2 недели позже).

Их роман с Агнессой начинается в 1925-м, и Миронову никакая ее “политическая грамотность” не нужна. Наоборот, наступило новое время, когда многие советские начальники меняют своих прежних “идейных” жен в красных косынках и кожаных куртках, с которыми они вместе прошли гражданскую войну, на тех, кто им создаст “красивую” жизнь, на дамочек в шляпках и шелковых платьях. В своем рассказе об их подпольном романе (который длится чуть ли не 6 лет!) Агнесса почти не упоминает, что и у Миронова была жена, прошедшая с ним гражданскую войну, с которой он расстанется ради “безыдейной” Агнессы. Она, кстати, совершенно не скрывает своего равнодушия к вождям, к советской власти. Миронов, который, по словам Агнессы, “был очень предан советской власти”, шутливо называет ее “моя белогвардейка”. И его, арестовывавшего не сотни, а тысячи невинных людей по малейшему подозрению, это вполне устраивает. Лишь бы она ни во что не вмешивалась и не интересовалась его “работой”.

Правда, однажды в ответ на ее кокетливый вопрос:

– А если бы я действительно оказалась белогвардейкой, шпионкой? Если бы тебе приказали меня расстрелять, ты бы меня расстрелял? – он отвечает ей вполне искренне:

– Расстрелял бы.

Я не поверила своим ушам. Меня?! Меня расстрелял бы? Расстрелял бы... меня?! Он повторил так же безапелляционно:

– Расстрелял бы.

Я расплакалась. Тогда он спохватился, обнял меня, стал шептать:

– Расстрелял бы, а потом застрелился бы сам... – И стал меня целовать.

Слезы мои высохли, и хотя я еще повторяла: “Да, да, как ты мог хоть на миг такое подумать!” – но я уже шла на компромисс: если застрелился бы сам, значит, всё-таки любит.

Но стоило Агнессе (а это произошло, кажется, всего один раз) нарушить свое невмешательство в “мужские дела” и попросить за кого-то из арестованных знакомых, ее любимый, ласковый Мироша мгновенно превращается в беспощадного и жестокого чекиста:

Я все не решалась попросить Миронова, но, наконец, выбрала минуту, когда он был особенно весел. Надо было видеть, как вся его веселость мгновенно слетела. Он ответил мне сухо, холодно, резко, что все дела рассматриваются на местах, и если этот человек взят в Саратове, то там и будет решаться его дело, а он, Миронов, никакого касательства к этому не имеет и ходатайствовать ни за кого ни перед кем не станет. Даже если б это были мои родственники или его

собственные.

Для Агнессы ее спокойная и счастливая жизнь с Мироновым неизмеримо дороже, чем просьбы за каких-то чужих людей. Впрочем, и по отношению к своим Миронов ведет себя точно так же – прерывает отношения с родной сестрой в тот момент, когда над ее мужем сгущаются тучи и тот ждет ареста.

И, конечно, не коммунистической идее предан Миронов, а именно советской власти в чекистском ее понимании, а главное, своей карьерой. В конце концов, именно поэтому Агнесса так с ним счастлива. И соблюдает предложенные Мироновым правила игры – его работа ее не касается.

С 1930 года, когда они, наконец, решают соединиться и Агнесса просто прыгает к Миронову в поезд, который увезет их в Москву, а затем они уедут уже вместе на его новое место назначения, в Казахстан, где Миронов становится заместителем полномочного представителя ОГПУ, и вплоть до его ареста в январе 1939 года она с ним больше не расстанется.

Тут-то и начинается десятилетие ее счастливой жизни, а на самом деле “пляски на вулкане”, потому что Агнесса живет, как она сама говорит, “зажмурившись”. Еще бы – ведь ей невероятно повезло, она рядом с человеком, которого любит, у нее больше нет не только бытовых, но вообще никаких проблем, всё решается как по мановению волшебной палочки, кругом обслуга, всё приносят, доставляют, подают.

Самое большое удовольствие она получает от того, что теперь может позволить себе такие туалеты, о которых большинство советских женщин не может даже мечтать. Память у Агнессы просто феноменальная – она и спустя 50 лет описывает свои платья с невероятными подробностями:

И вот мне сшили платье, я сама сочинила фасон. Вы только представьте себе: черное шелковое (черный цвет стройнит) с разноцветной искрой, талия и бедра обтянуты косыми складками, как блестящими стрелками, вот так вот – я даже вам нарисую, таких фасонов я с тех пор не видела. Сверху облитое этими стрелками, а внизу, почти у колен, широчайшим легким воланом расходится юбка – пышная, воздушная, как сумеречный весенний туман. А сбоку большая пряжка переливается всеми цветами, как искры на ткани.

И по мере восхождения Миронова по карьерной лестнице всё шикарней становятся ее туалеты. Эти фасоны, материи, цвета будут иллюстрировать главную “серию” из жизни Агнессы. Она, конечно, из породы “бытовых” женщин, – но в данном случае это выигрыш для читателя. “Черт сидит в детали” – и мы видим ее глазами парадную сторону жизни партийного и чекистского начальства – наркомов и замнаркомов, в шикарных особняках, на курортах и госдачах. Гулянки, банкеты, пикники, чрезвычайно модные тогда кинопоказы и т. д. – всё это Агнесса описывает очень подробно:

Мы сели в открытые машины, а там уже – корзины всяких яств и вин. Поехали на ярмарку в Адлер, потом купались, потом – в горы, гуляли, чудесно провели день. Вернулись, украшенные гирляндами из веток кипариса.

А праздничные столы уже накрыты, и около каждого прибора цветы, и вилки и ножи лежат на букетиках цветов.

Со служебным ростом Миронова всё шикарней становится обстановка вокруг Агнессы, всё больше штат obsługi и тех, кого Агнесса называет “подхалимами”:

У меня был свой “двор”, меня окружали “фрейлины” – жены начальников. Кого пригласить, а кого нет, было в моей воле, и они соперничали за мое расположение. Мы, бывало, сидим в зале, смотрим фильм; “подхалимы” несут нам фрукты, пирожные... Да, да, вы правы, конечно, я неверно употребляю это слово. Точнее сказать “слуги”, конечно, но я называла их подхалимами – уж очень старались они угодить и предупредить каждое наше желание. Они так и вились вокруг нас...

И так всё выше и выше, до их последней квартиры в знаменитом Доме на Набережной и до последнего новогоднего приема в Кремле, где они сидят неподалеку от самого Сталина.

Агнесса несколько раз повторяет, что жила в те годы “затмурившись”, ничем кроме туалетов и приемов не интересовалась, ничего не знала, но мы видим, что это не совсем так, а порою и вовсе не так. Она чрезвычайно наблюдательна, у нее очень хорошая память (это доказывают ставшие известными засекреченные архивные документы и, в частности, показания самого Миронова, которые он после своего ареста давал против Фриновского и Ежова). Конечно, Агнесса, говоря о своем неведении, несколько лукавит. Точнее сказать, что она жила, как и многие люди, особенно в этой среде, с раздвоенным сознанием. Но получается, что она (в этом ценность ее воспоминаний) по сути разоблачает мифы, возникшие в сталинскую эпоху и оказавшиеся очень живучими. Миф о том, что чекисты верили, что и в самом деле громят врагов и предателей. И миф о том, что жены чекистов ничего не знали и ни о чем не догадывались. Судя по не интересующейся работой мужа Агнессе – кое-что знали. Начало ее совместной жизни с Мироновым происходит на фоне страшного голода, который вызван насильственной коллективизацией, раскулачиванием и репрессиями в Казахстане. Жертвы исчисляются сотнями тысяч, и как раз в самый пик этого ужаса Агнесса едет в отдельном салон-вагоне вместе с Мироновым, посланным с инспекционной поездкой по Казахстану проверять, как работают на местах отделы ОГПУ. С ними едет повар, вагон завален продуктами, мясом, сырами, фруктами. А вдоль всего их пути валяются трупы умер-

ших от голода людей. Когда поезд подошел к Караганде, об этом узнает и Агнесса. Вернувшиеся из города сотрудники Миронова рассказывают ей (Агнессу он предусмотрительно в город не отпустил), что там происходит:

Ничего в магазине нет, полки пустые. Продавщица говорит: “Я не работаю, не торгую, нечем. Хлеб забыли, как и выглядит... Сюда прислали эшелоны с раскулаченными, а они все вымирают, так как есть нечего. Вон в той хибаре, видите отсюда? Отец и мать умерли, осталось трое маленьких детей. Младший, двух лет, вскоре тоже умер. Старший мальчик взял нож и стал отрезать, и есть, и давать сестре, так они его и съели”. Все замолчали. Они, сотрудники, про голод уже, оказывается, знали. Сотрудники НКВД, конечно, про голод знали, более того, в их функции входило пресекать всякое недовольство и засекречивать информацию о том, что происходит, не пускать голодающих в большие города. Так и Агнесса (даже после поездки по Казахстану) совершенно не представляет себе и не задумывается о том, что происходит с ее собственной семьей на Украине. Намеки в письме сестры (та боится писать открыто) понимает только ее мать и отправляет продуктовую посылку. Сестра Агнессы в то время была уже едва жива от голода:

Лена потом рассказывала: “Я всё отдавала Боре (сыну), всё, что по карточкам получала, а сама доходила... А на ули-

цах и в парадных валялись трупы, я все думала – вот и я так лягу скоро... И вдруг перед домом останавливается машина, а с нее военный сбрасывает мешки. Звонит ко мне, застенчиво улыбается: – Это вам... кажется, от сестры. Я глазам своим не верю. Раскрыла – пшено! Я, конечно, ему отсыпала немного... и скорее-скорее варить кашу. Насыпала пшена в кастрюлю, налила воды, варю, а сама дожидаться не могу, пока сварится, так и глотаю сырое...”

Агнесса вовсе не исчадие ада, в какой-то момент спохватывается и все дальнейшие годы, пока может, помогает семье сестры. Но помощь людям – не ее стихия, она всегда думает прежде всего о себе. И это тоже объединяет ее с Мироновым. Они и в этом смысле идеальная пара – Агнесса никакой политикой не интересуется и мало над чем задумывается – эта власть ей чужая. Она не сразу может вспомнить, кто такой Киров, шутит по поводу самоубийства Орджоникидзе (а эти люди настолько известны в СССР, что за одно это “незнание” другой человек мог поплатиться свободой и даже жизнью). Но Миронова – при всей его преданности советской власти – это как раз и устраивает. Чем меньше Агнесса знает, тем лучше для него, хотя бы потому, что не задает неудобных вопросов.

Очень характерный пример: Миронова вызывают на совещание в Москву. Это февраль 1937 года – нарком Ежов собирает начальников управлений НКВД, уже подготавливаются

массовые репрессии, которые начнутся в августе, Миронову не до развлечений. К тому же застрелился могущественный Серго Орджоникидзе. Но Агнесса, заскучав в Новосибирске, а может быть, не желая отпускать его надолго одного, приезжает в Москву вслед за ним. Миронов вначале раздражен:

– Ну вот, теперь ты понимаешь, когда ты приехала? Да еще с ними, еще такие развеселые. Небось, резались всю дорогу в карты? Ну, зачем, зачем? Я же тебе говорил: сиди дома! Ну, зачем ты приехала? Что я скажу, если меня спросят? Я сделала скорбную, трагическую мину.

– Ты скажешь, – и вздохнула, – что приехала разделить скорбь о великом вожде!

Ну, тут Миронов не выдержал, расхохотался. Так я это курьезно сказала.

А мне тогда и правда, знаете, до Орджоникидзе этого было, как теперь говорят, “до лампочки” – тогда говорили “начхать”. Все эти вожди-“возжжи” мне были безразличны, я в них не разбиралась.

Миронова я рассмешила, отвлекла, я всегда умела это делать, и уже через полчаса он говорил мне:

– Ну что бы я без тебя делал? Что Агулька, что ты... Баловница, шалунья. “Луч света в темном царстве”.

Конечно, такая жена гораздо удобней, чем задававшая бы ему неприятные вопросы о причинах самоубийства Орджо-

никидзе.

После Казахстана Миронова постоянно повышают: перебрасывают на Украину, где он становится начальником управления НКВД в Днепрпетровске, а после назначения Ежова наркомом госбезопасности Миронов возглавит НКВД всей Западной Сибири.

Апогеем счастливой жизни Агнессы с Мироновым становится их свадьба. В 1936-м они наконец официально оформляют свои отношения, и начальство – нарком НКВД Украины Балицкий – устраивает им шикарную свадьбу на берегу Днепра на даче НКВД.

“Всем так хотелось повеселиться”, – вспоминает Агнесса. Почти все участники этого веселья – украинская чекистская верхушка – через два, самое большее через три года будут расстреляны.

Агнесса описывает парадную сторону чекистского быта – она мало что знает об ее изнанке, но, тем не менее, какие-то вещи подмечает. Например, когда описывает механизм игры Миронова с начальством НКВД в карты – на казенные деньги. Подчеркивает, что деньги на их свадьбу были, конечно, выделены им тоже из казенных сумм. Агнесса, описывая “сладкую жизнь” чекистской верхушки, разрушает еще один миф – о мнимом бескорыстии чекистов. Та степень власти, которой они наделены в сталинской системе, не может не привести к разложению и воровству.

* * *

Но наступает 1937-й, год Большого террора, и жизнь Агнессы становится тревожной. Формально всё выглядит прекрасно – Миронов, получивший в декабре 1936-го огромное повышение, назначен начальником Управления НКВД по всему Западно-Сибирскому краю. Но теперь он в буквальном смысле отвечает головой за выполнение так называемых лимитов по репрессиям, то есть плановых цифр по арестам, которые сопровождают знаменитый приказ НКВД 00447. Ежов требует широких посадок, быстрого оформления дел, разрешены пытки арестованных. Органы лихорадит, Ежов чистит и чекистские кадры, арестовывая прежде всего тех, кто не успевает “громить врагов” в требуемом темпе. Миронов очень боится оказаться “нерадивым” (в своих показаниях на следствии он говорит о том, как Ежов давил на него). Агнесса, конечно, ничего об этом не знает, но чувствует, что что-то происходит, и что ее Мироша нервничает – видит (даже подозревает какой-то роман). Вероятно, поэтому она буквально врывается к нему в кабинет во время совещания в июле 1937-го. Агнесса так хорошо запомнила этот момент, потому что Миронов ее впервые довольно жестко выпроваживает, а ночью долго не может заснуть и пьет люминал. Теперь, когда открылись секретные документы, проливающие свет на механизм Большого террора, мы знаем, что в

тот момент, когда к нему врывается Агнесса, Миронов проводил оперативное совещание начальников городских и районных отделов управления НКВД Западной Сибири. Приехав из Москвы, он подготавливал кадры чекистов к массовым арестам, допросам с применением пыток, расстрелам.

“Такие совещания проводились по всей стране. Большой террор готовился, как крупномасштабная военная операция. На заседании глава областного НКВД Миронов объяснил, что операция составляет государственную тайну, и за разглашение ее деталей – военный трибунал. Сразу после совещания его участники должны были «первым поездом» отправиться по местам, чтобы 28 июля приступить к арестам. Западной Сибири был дан «лимит» на расстрел 10 800 человек... но Миронов заверил участников совещания: «Можно посадить и 20 тысяч, но с тем, чтобы отобрать то, что представляет наибольший интерес». Кроме того, каждому начальнику оперативного сектора была поставлена задача: «Найти место, где будут приводиться приговоры в исполнение и место, где закапывают трупы». Если это место в лесу, то следовало заранее срезать дерн, чтобы потом замаскировать массовое захоронение. Остальные сотрудники не должны были знать ни о месте захоронения, ни о числе казненных, только очень узкий круг посвященных”⁴.

А Агнесса-то думала, что Миронов пьет люминал и не

⁴ Петров Н. В., Янсен М. “Сталинский питомец” – Николай Ежов. М.: РОС-СПЭН, 2008. С. 102.

спит из-за ссоры с ней. Но в последующие дни и недели, когда Москва постоянно требует от него сводки о цифрах произведенных арестов, Миронов уже не в силах скрывать от Агнессы, как он сам напуган. И как только маска железного самоуверенного чекиста начинает сползать – выглядывает страшное и жалкое лицо (спасибо наблюдательности Агнессы!) виновника, охваченного страхом:

А Сережа... Сережа тоже боялся.

Как всё у него напряжено внутри в страшном ожидании я поняла не сразу. Но однажды... У него на работе был большой бильярд. Иногда, когда я приходила к Мироше и выдавался свободный час, мы с ним играли партию – две. И вот как-то играем. Был удар Сережи. И вдруг он остановился с кием в руках, побледнел... Я проследила его взгляд. В огромное окно бильярдной видно: во двор шагом входят трое военных в фуражках с красными околышами.

– Мироша, что с тобой? – И тут же поняла. – Да это же смена караула.

Страх – и одновременно желание снять с себя ответственность звучат в ответе Миронова на прямой вопрос его двоюродного брата в подслушанном Агнессой разговоре:

– У тебя, наверное, руки по локоть в крови. Как ты жить можешь? Теперь у тебя остается только один выход – покончить с собой.

– Я сталинский пес, – усмехнулся Мироша, – и мне иного

пути нет!

Эта фраза – одна из ключевых в воспоминаниях Агнессы для понимания таких людей, как Миронов. Я – сталинский пес, – говорит он. С одной стороны, тут намек на кровавых опричников времен Ивана Грозного, привязывавших к хвостам своих лошадей песьи головы, а с другой стороны – отсылка к Сталину. Таким образом Миронов как бы снимает с себя всякую личную ответственность: он только выполняет волю Сталина. Эти слова развеивают еще один миф – о том, что Сталин не являлся виновником и организатором террора. Миронов отлично понимает, от кого на самом деле исходят все приказы.

Приступы страха будут преследовать Миронова в последние месяцы перед его арестом. Страх перед арестом и следствием – ведь он прекрасно знает о методах, которыми ведется допрос. (В своих показаниях после ареста в 1939 году Миронов говорит, что речь о применении к арестованным так называемых мер физического воздействия шла на июльском совещании высшего состава НКВД в Москве в июле 1937 года.) Страх за Агнессу – в какой-то момент он кричит ей, что и жен берут! (Он-то прекрасно знает о секретном приказе НКВД об арестах жен врагов народа.) Теперь он всё больше и больше нуждается в помощи и поддержке Агнессы, всегда сохраняющей веселость и самообладание. Именно в эти последние месяцы она уже кое-что начинает понимать,

что-то и у Миронова вырывается. Например, поразившие ее слова о бежавшем к японцам начальнике Дальневосточного НКВД Люшкове: “Он спасся”! Это значит, что веры в родную советскую власть у Миронова больше нет. Но и покончить жизнь самоубийством ему (так легко лишавшему жизни тысячи людей) не дает страх:

Он говорил мне: “Если меня арестуют, я застрелюсь”.

Однажды ночью он вдруг вскочил с постели, выбежал в прихожую и быстро задвинул палкой дверь грузового лифта, который подавался прямо в квартиру, затем навесил на входную дверь цепочку, но этим не ограничился. Как невменяемый, схватил комод, притащил его и придвинул к дверям лифта.

– Сережа, – зашептала я, – зачем ты?

– Я не хочу, не хочу, чтобы они пришли оттуда и застали нас врасплох! – воскликнул он. Я тотчас поняла: он хотел, чтобы был стук или чтобы грохот комода или треск переломанной палки разбудили его, чтобы не ворвались к спящему.

– Мне надо знать, надо... когда они придут!

И я опять поняла: чтобы успеть застрелиться.

* * *

Агнесса дает точную метафору для своей тогдашней с Мироновым жизни:

Ах, какие это были страшные качели! Только что душа скована страхом, и вдруг взмах – и ты наверху, и ты можешь дышать, жить, думать о пустяках, о всякой всячине, как о серьезном деле, а то, что тебя сейчас новым размахом бросит вниз, ты уже не думаешь. Говорят, Сталину это нравилось – прокатить на таких качелях.

Но на короткое время страх отступает. В августе 1937 Миронова назначают полномочным представителем СССР в Монголии. Монголия с двадцатых годов фактически является сателлитом СССР, но из-за нападения Японии на Китай Сталин решает полностью сменить там власть, ликвидировать и в Монголии “пятую колонну”. Фриновского и Миронова отправляют туда для проведения масштабных чисток, в том числе и в правительстве Монголии.

Еще как только повеяло повышением, Мироша заметно приободрился, а тут сразу вернулись к нему былая его самоуверенность, его гордая осанка, его азартная решимость, его честолюбие. Глаза сразу стали другие – залучились огоньками успеха, словно вернулись молодость, “настоящие дела”, борьба с контрреволюцией, ростовские времена, —

вспоминает Агнесса.

Она шьет новые туалеты, покупает украшения, с увлече-

нием постигает правила поведения советских полпредов за границей, а меж тем пребывание в Монголии становится самым кровавым эпизодом в карьере ее Мироши. 23 апреля Миронов доложил Фриновскому, что 10 728 человек арестованы, включая 7814 лам, 3222 феодала, 300 служащих министерств, 180 военных руководителей, 1555 бурятов и 408 китайцев. 31 марта 6311 человек из них уже были расстреляны, что составило 3–4 % взрослого мужского населения Монголии. Согласно Миронову планировалось арестовать еще 7 тысяч человек⁵.

После окончания этой “дипломатической миссии” им снова кажется, что опасность миновала – Миронова переводят на дипломатическую службу – назначают начальником Дальневосточного отдела МИДа.

Еще на полгода отодвигается неизбежный конец. И снова – платья, дипломатические приемы, наконец встреча Нового 1939 года в Кремле. И только через несколько дней после этого – арест.

Агнесса и тут проявляет силу своего характера: не теряет присутствия духа в момент обыска, еще целый год ходит на Лубянку к следователю, который передает ей письма от Миронова.

Сегодня благодаря публикациям архивных документов мы знаем, что после ареста и допроса, который проводит сам Берия, Миронов пишет на его имя заявление о полной го-

⁵ Петров Н. В., Янсен М. “«Сталинский питомец» – Николай Ежов”. – С. 118.

товности дать показания против Фриновского и Ежова (их арестуют на несколько месяцев позже) и становится одним из главных свидетелей, обвиняя их в том числе и в заговоре против Сталина.

Миронов стремился переложить всю ответственность на Ежова и Фриновского, возможно, ему намекают на некоторое облегчение его участи, если он даст подробные показания. Но в феврале 1940-го всё заканчивается – у Агнессы не принимают передачу и сообщают ей обычную формулу: “Десять лет без права переписки”, означающую расстрел. Агнесса, в отличие от многих, это сразу понимает. Она вообще ведет себя чрезвычайно собранно и трезво, не обивает пороги, не пишет писем Берии и Сталину (для этого она слишком умна). Она поступает самым естественным для себя образом: начинает новую жизнь.

Это вовсе не просто – муж репрессирован, ей уже 37. Но всё устраивается прямо в семье – двоюродный брат Миронова только что овдовел, и это упрощает ситуацию. Михаил Король старше Миронова, тоже воевал в Первую мировую и гражданскую, потом был начальником Главного управления кинематографии, а затем по заданию военной разведки несколько лет находился в США. Чудом избежал ареста в 1937-м и к моменту романа с Агнессой работал редактором и переводчиком в Госкино. В отличие от Миронова, Король – интеллигент, человек думающий и читающий, и он на самом деле предан не Сталину, а своим марксистским идеалам

и революции. Конечно, Агнесса не любит его так, как любила Миронова, но относится к нему с уважением, и этот брак для нее – несомненно хороший выход.

Но очень быстро наступает 1941 год, начинается война. Агнесса драматично описывает эвакуацию из Москвы – но она не Наташа Ростова из “Войны и мира”, своих вещей не выбрасывает, а наоборот, очень переживает их потерю:

Агнесса не могла пережить потери вещей, пилила папу, что он позволил перебросить чемоданы на другую машину и что оставили в Москве у кого-то. “Я была богатая женщина, – говорила она отцу, – а теперь у меня ничего нет”. Но что он мог? Были паника, раздражение, истерики, люди с “Мостехфильма” кричали, что наша машина вся завалена вещами, что другим некуда грузиться, кричали: “Сбросить!” Когда мы ехали на пароходе, Агнесса еще не остыла и только и знала, что говорила об этих вещах. (Это были вещи, привезенные из Монголии, она всё-таки многое сумела сохранить после конфискации), – вспоминала ее падчерица, дочь Короля.

В эвакуации Агнесса, недавно имевшая целый штат прислуги и жившая в особняках и огромных квартирах, оказывается в крошечной комнатухе, которую она вынуждена делить с другими эвакуированными. Но она приспособливается, ничего не стесняется, даже торговли на рынке. По-ви-

димому, ее независимый характер, гордость – и становятся причиной ареста. Избежав участи жен, арестованных за своих мужей в 1937–1938, Агнесса становится жертвой самого обычного бытового доноса соседей, с которыми делит комнату. Поэтому она получает в 1942-м фактически минимальный срок: 5 лет за антисоветскую агитацию. И по иронии судьбы оказывается в тех же местах Казахстана, по которым ехала когда-то в салон-вагоне с Мироновым. Это действительно качели судьбы – оказаться теперь в тюремном вагоне с уголовницами, которые издеваются над ней, перенести страшный пеший этап, в котором идущие рядом замерзают насмерть, едва не погибнуть от дистрофии:

Оледеневших мертвецов ставили стоймя около уборной. Затем освободили сарайчик и стали складывать штабелями туда, но и там места не хватило, тогда – на террасу у выхода. Складывали голыми, кое-как прикрывши сверху. Навалили столько, что дверь плохо открывалась, приходилось на нее нажимать, чтобы выйти. Некоторые лежали “раскорякой” – то затвердевшая рука высунется, то нога. Проходя, заденешь. Или надо перешагивать. Ко всему этому мы скоро привыкли. Иной раз выхожу, мертвецов дверью отжимаю и думаю с удивлением: “Что это со мной? Это же мертвецы, а я их не боюсь, как будто это дрова”. Перешагну через ноги, руки и иду как ни в чем не бывало. Подумала: “Если бы это в нормальной жизни, то я не поверила бы, что так жить можно. А

я тут не обращаю внимания и живу. И я всё перенесу и не умру! Я не умру, не умру, со мной этого не случится”.

Агнесса и тут не сдаётся, не падает духом и проявляет чудеса выживаемости:

А ещё знаете, что мне помогло? Я никогда ни одного дня не носила тюремной или лагерной одежды. Мне казалось, что стоит надеть их одежду – эти ватные брюки или куртку с торчащей из дыр ватой, – и ты уже не человек, ты уже превратился в раба в глазах всех и в своих собственных, раба, которым можно как угодно помыкать. Надо было сохранить свое человеческое достоинство. Я и старалась держаться так – не сдаваться, не уронить себя. И это мне помогло.

Но судьба наносит ей новые удары. В 1944-м арестовали ее третьего мужа, Михаила Короля. На следствии его подвергают пыткам, после которых он так и не смог оправиться. В 1950-м после освобождения его арестовывают снова, к Агнессе он вернется только в 1956 году. После трудной борьбы за реабилитацию – у них комната в коммунальной квартире. Агнесса работает в регистратуре поликлиники, а Король пытается найти литературный заработок. Но ему не дает покоя безнаказанность тех, кто совершал при Сталине преступления, равнодушие и слепота послесталинского общества. Сам он благодарил судьбу за прозрение:

Благословляю свои одиннадцать лет тюрем и лагерей – как начало моего возрождения. Без этих испытаний я бы прожил свою жизнь с душевной мутой, в тумане, с неясными мыслями и ошибочными заповедями, —

писал он в своих записках.

После смерти Короля в 1959 году Агнесса проживет еще 20 лет.

* * *

В истории Агнессы есть свой эпилог. Годы в ГУЛАГе, жизнь с Королем не прошли для нее бесследно. И финал ее жизни представляется гораздо более достойным, чем многие прежние страницы. Агнесса много читает, путешествует на небольшие деньги, оставшиеся ей в наследство от родственницы, за которой она ухаживала, навещает места своего детства и юности. И вспоминает. Пожалуй, именно это и вызывает к ней уважение – она не боится своего прошлого, она готова рассказывать всем, кто готов слушать. Конечно, Агнесса прежде всего вспоминает свою счастливую жизнь с Мироновым, но теперь, после того как она сама вкусила все прелести созданной им и такими как он системы, – ей важно понять, какова степень виновности человека, которого она никогда не переставала любить. Потому что понимает и знает – на нем кровь очень многих невинных людей. Но и это

уже много, потому что так готовы были думать далеко не все. И не все, как она, считали, что надо рассказывать о сталинских временах, не бояться и не молчать.

Ей глубоко запали в душу слова Михаила Давыдовича о необходимости у нас второго Нюрнбергского процесса, и в заветной ее записной книжке был подробно выписан приговор, вынесенный в 1946 году.

Настрадавшись в недавнем прошлом от доносов и преследований, многие реабилитированные боялись любой огласки. Одна Агнесса не боялась ничего. Она была пылким агитатором. В метро, трамвае, в очереди, если начинали оправдывать Сталина и осуждать репрессированных, она тут же со свойственными ей красноречием и страстностью вклинивалась в спор и чаще всего побивала своих оппонентов тем, что сама была в лагере и знает правду не понаслышке, —

писала Мира Яковенко.

Да, ее описание счастливой жизни на фоне Большого террора вызывает к ней неприязнь, но мы узнаем об этом из ее уст, получаем эту историю из ее рук. Ведь свидетелей не осталось – и она могла бы описывать всё это совсем иначе, задним числом снимая с себя ответственность. Но она этого не делает. Конечно, она о каких-то вещах умалчивает, не договаривает, что-то приукрашивает, но и свой собственный образ и образ Миронова рисует всё-таки она сама. (Хотя тут,

безусловно, и литературная заслуга Миры Яковенко, что и образ, и сам рассказ получился таким многомерным.)

История Агнессы вызывает доверие еще и потому, что, пользуясь всеми благами сталинской системы, она себя с ней не идентифицирует. Этим, видимо, и объясняется ее поразительная откровенность. Но так уж устроена эта женщина: жизнь дает, и она берет. Берет охотно и с радостью. Она принимает мир таким, каков он есть, не скрывает удовольствия, которое получает от красивых вещей, от материальных ценностей. Красота и уют для нее органичны. Агнесса привносит их и в казенную обстановку госдач, и в кошмар лагерного барака. Свои наряды она описывает с таким наслаждением и с такими подробностями, что их невозможно не запомнить, как туалеты Скарлетт О'Хары: и бледно-зеленое свадебное платье с золотыми пуговицами, и черное со шлейфом на приеме в Кремле, и штопаную красную вязаную кофточку и драную беличью шубку, с которыми не расставалась в лагере.

Агнесса ничуть не смущается тем, что ее главное оружие в борьбе за выживание – откровенная, почти агрессивная женственность и женский инстинкт. Именно это позволило ей не только выжить, но, что еще труднее, сохранить свое достоинство. Это удавалось Агнессе не всегда. Но когда она вспоминает о прошлом, у нее хватает смелости не лгать себе и другим, уверяя, что во всех ситуациях вела себя безупречно.

И еще одно – выжить она старалась, как правило, не за

счет других. Даже попадая в обстоятельства, выбраться из которых было чрезвычайно трудно, она полагалась прежде всего на себя, внушала себе, как внушала героиня Маргарет Митчелл, что ни за что не будет думать о плохом: “Я умею себя уговорить, убедить, отбросить ужасное, страшное, уйти в другой мир... Ведь главное – в любых обстоятельствах не потерять голову. Не может мне не повезти!”

Ирина Щербакова

От автора

Я познакомилась с Агнесой Ивановной Мироновой в 1960 году у своих друзей. Это была женщина лет сорока (так мне в первый момент показалось, но вскоре выяснилось, что она много старше), еще очень красивая. Прекрасные черты лица, живые зеленовато-карие глаза какого-то удивительно-сияющего оттенка, прическа из крупно вьющихся каштановых волос венцом вокруг головы, большое декольте (хотя была уже осень), безупречно гладкая стройная шея. Платье было светлое, летнее, идеально пригнанное по фигуре, подчеркивающее большой бюст. Было видно, что она следит за своей еще очень хорошей фигурой.

За ужином она стала рассказывать об этапе, которым пересылали ее из Москвы в Караганду. Она рассказывала ярко, красочно, темпераментно, с интонациями действующих лиц, все мелочи в ее рассказе вставали, как живые. Талант рассказчицы и сама рассказчица произвели на меня огромное впечатление.

Мы вышли вместе, нам было по дороге. Я стала ее спрашивать.

Агнесса не принадлежала к тем репрессированным, которые словно стеной закрывают пережитое от чужих глаз, не хотят говорить о нем, обрезают всякие воспоминания. Она ничего не хотела вычеркивать, ничего не хотела забывать,

наоборот – она рассказывала охотно, с огоньком, ни в чем не таясь, а с людьми несведущими чувствовала ответственность – дать им узнать правду. Больше того – тут она становилась страстной пропагандисткой этой правды, которую люди не знают или не хотят знать.

В тот первый вечер мы, прощаясь, условились, что в ближайшее время она придет ко мне. И она пришла и принесла мне прекрасные письма из лагеря Михаила Давыдовича Короля, ее третьего мужа, и стихи бывшей узницы АЛЖИРа Софьи Солуновой. А затем я стала приходить к ней. Так возникла наша дружба.

Мы дружили до самой ее смерти, больше двадцати лет...

Я любила приходить к ней. Я побуждала ее к рассказам, а ей рассказывать было нужно, это теперь была ее жизнь.

Оговорюсь – я не точна. Она жила не только прошлым. Активная и энергичная натура, она деятельно жила настоящим, жизнью своих близких и друзей и собственной духовной жизнью.

Но вернусь к рассказам. Предложить ей записывать их я не решилась. Я боялась не того, что она не согласится, а того, что узнав, что слова ее запечатлеваются, она цензуровала бы себя, рассказывая, подбирала бы, что сказать, а что нет, и естественный рассказ превратился бы в надуманный и мертвый.

Приходя от Агнессы домой, я записывала, что удалось запомнить. Были и пропуски в памяти. Тем не менее что-то

осталось. И на основании этих вех, дополнив их рассказами близких Агнессы и собственными воспоминаниями о ее рассказах, я и попыталась написать о ней то, что удалось сохранить. Увы! Это только схема, только краткий смысл, только скелет ее рассказов. Живые интонации, яркие подробности, эмоциональная окраска ситуаций – все это потеряно...

У Агнессы была исключительная память. А зрительная просто феноменальная. Пятьдесят лет спустя она могла подробно назвать, кто во что был одет и какого цвета что было. Цвета и оттенки она помнила удивительно. Все это ускользает из моего изложения, и не только потому, что самой мне многое не запомнилось, но и умышленно, иначе описание туалетов заняло бы слишком много места.

Ускользнут и многие имена. Это жаль. Я вовремя не переспросила Агнессу и не записала их точно.

Мира Яковенко

Часть I. И рай, и ад – всё рядом

Мой дедушка

Вы знаете, я сейчас больше всех писателей люблю Чехова. Я его не понимала прежде, я только сейчас оценила. Спасибо, что вы принесли мне его письма⁶. Это ведь самое подлинное.

Чехов мне еще и потому интересен, что он был на Сахалине⁷, как раз когда там отбывал каторгу мой дедушка – отец моей матери. Чехов, думается мне, знал его. Я рассказала в Ленинской библиотеке, и они мне разрешили пройти в рукописный фонд. Там я нашла картотеку арестантов⁸, составленную Чеховым. На каждого арестанта, о котором удалось Чехову получить какие-то сведения, он заводил карточку.

И я нашла там карточку на Зеленова Ивана – уроженца Томска. Все сходится, и возраст сходится, только фамилия дедушки была Зеленцов. Ошибся ли Чехов? Или дедушка

⁶ Речь идет о томе (или нескольких томах) писем Антона Чехова, принесенных Агнессе Мирой Яковенко из 30-томного Собрания сочинений Чехова, которое было опубликовано в М.: Наука, 1974–1983. 12 томов занимали письма.

⁷ Чехов был на Сахалине в 1890 году.

⁸ С острова Чехов привез “целый сундук всякой каторжной всячины”, около 10 тысяч статистических карточек и “много всяких бумаг”.

значился там как Зеленов?

Семья дедушки Ивана и бабушки Анисьи (Они) жила в Барнауле. Дедушка был простой человек, русский. Бабушка была якутка, неграмотная. Детей было много, дедушка ходил на заработки, уходил рано, приходил поздно.

Напротив жили богатые поляки. Вероятно, они были высланы после восстания в Польше в 1863 или даже в 1830 году. В Сибири они разбогатели, имели несколько доходных домов – сдавали квартиры жильцам.

И вот однажды этот хозяин, поляк, старик – уже восемьдесят лет ему было – вызывает моего деда и говорит:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.